

УДК 330.34; 330.35; 330.88; 339.97; 339.98

СТРАТЕГИЯ АДМИНИСТРАЦИИ ОБАМЫ: НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

© 2011 г. В.С. Васильев, Е.А. Роговский*

*Авторы продолжают исследование темы, поднятой ими в предыдущей статье**.*

Растущая цена экологических и техногенных катастроф

Поступательное экономическое развитие на основе научно-технического перевооружения экономики, как убедительно показал опыт первого десятилетия XXI века, сопровождается масштабными экологическими и техногенными катастрофами. Яркими примерами таких катастроф явились ураганы Катрина, Вильма и Рита, обрушившиеся на мексиканское побережье США в 2005 г. Удар стихии по Новому Орлеану привёл, в частности, к тому, что более 80% площади города оказалось затопленной, в результате чего погибло свыше 1,2 тыс. человек. Общий экономический ущерб был оценён более чем в **200 млрд. долл.**; только из казны федерального правительства на чрезвычайную помощь и восстановительные работы было выделено свыше 60 млрд. долл. [22, р. 3]. В четвёртом квартале 2005 г., как прямое следствие стихийных бедствий, экономика США заметно «просела»: если темпы роста реального ВВП в третьем квартале составили 3,1%, а в первом квартале 2006 г. – внушительные 5,4%, то в четвёртом квартале чётко обозначился провал и рост ВВП не превысил 2,1% [8].

Взрыв буровой платформы британской корпорации «Бритиш петролеум» в Мексиканском заливе в апреле 2010 г. стал самой крупной техно-экологической катастрофой, постигшей США за всю их историю. Согласно докладу президентской комиссии, расследовавшей причины и последствия катастрофы, вызванной техническими нарушениями при сооружении платформы и её эксплуатации, обусловленной элементарной погоней за прибылями, только затраты на восстановление пострадавших экосистем, затронутых последствиями катастрофы, могут составить от **15 млрд. до 20 млрд. долл.**, и эти работы могут продолжаться в течение 30 лет с ежегодными затратами не менее 500 млн. долл. [21, р. 210]. Помимо этого, к компании «BP» предъявлены судебные иски

* Васильев Владимир Сергеевич – доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИСКРАН. E-mail: vsvasiliev@mail.ru; Роговский Евгений Александрович – кандидат экономических наук, Руководитель Центра военно-промышленной политики ИСКРАН. E-mail: Rogowsky@mail.ru

** См.: Васильев В.С., Роговский Е.А. Экономическая система общества и национальная безопасность // США ❖ Канада: экономика, политика, идеология. 2011. № 11.

Таблица 4

**Человеческий и материальный ущерб от стихийных бедствий в США
в период 2000–2010 гг.**

Год	Жертвы (человек)	Пострадавшие (человек)	Экономический ущерб, млрд. долл. (потери в собственности и гибель урожаев сельскохозяйственных культур)
2000	476	2796	9,0
2001	464	2718	4,8
2002	540	3090	5,7
2003	438	2924	11,4
2004	369	2428	26,8
2005	1451	1834	100,8
2006	563	3492	11,7
2007	515	3733	12,3
2008	568	2903	30,3
2009	370	1829	7,5
2010	489	2369	9,9

NOAA's National Weather Service. Natural Hazard Statistics (<http://www.nws.gov>).

административного и уголовного характера, и в случае если судебные инстанции США удовлетворяют их в полном объеме, то итоговый размер административных штрафов может составить от **4,5 млрд. до 21 млрд. долл.**; на аналогичную сумму оцениваются и возможные иски уголовного характера [21, р. 211].

В целом данные о жертвах, пострадавших и об экономическом ущербе, ежегодно публикуемые Национальной гидрометеорологической службой США, свидетельствуют, что периоды относительно низких значений сменяются трудно предсказуемыми периодами всплеска соответствующих показателей, что является веским косвенным свидетельством того, что климатические изменения, обусловленные экономической деятельностью человека, также должны рассматриваться с точки зрения соображений национальной, в том числе экономической безопасности. Данные о количестве жертв, пострадавших и об экономическом ущербе от стихийных бедствий в США в период 2000–2010 гг. суммированы в табл. 4.

Опасность социума как среды обитания

В последние годы в США обострилось понимание проблемы, что общество как среда обитания само по себе является источником повышенной опасности для жизни граждан, что связано со смертельными случаями, а также травмами и увечьями, полученными в дорожно-транспортных происшествиях (ДТП), несчастными случаями в быту и в городской среде, инфекционными заболеваниями, смертностями и заболеваниями, обусловленными потреблением некачественных продуктов питания и медикаментов. Согласно имеющимся данным официальной статистики, от травм в США ежегодно погибают свыше 180 тыс. человек, порядка 2,9 млн. человек госпитализируются, а в скорой медицинской помощи нуждаются около 30 млн. человек. В результате суммарные экономические потери от травм и увечий ежегодно превышают **400 млрд. долл.** В рамках экономических потерь ведущую роль играют ДТП, на долю которых

приходится 22% всех потерь, падения (20%), удары и столкновения (12%), огнестрельные ранения (9%), отравления (6%), резанные и колотые ранения (4%), пожары (2%), утопления и замерзания (1%), прочие причины – 24% всех экономических потерь. В целом травмы и увечья являются ведущей причиной смертности в США для лиц в возрасте от 1 года до 44 лет [15].

После событий 11 сентября 2001 г. в США многие случаи заболеваний, вызванные потреблением некачественных продуктов питания, стали рассматриваться через призму возможного проявления биотерроризма. В этой связи Федеральное управление продовольственных товаров и медикаментов стало уделять повышенное внимание проблеме безопасности продуктов питания, поскольку ежегодно в США регистрируется 76 млн. случаев заболеваний, 325 тыс. случаев госпитализации и 5 тыс. смертей, вызванных пищевыми отравлениями [54, р. 2]. В фокусе внимания этого федерального ведомства также оказалась проблема редко встречающихся заболеваний, число которых достигает порядка 7 тыс., которые не имеют апробированных методик лечения и от которых предположительно страдают порядка 30 млн. американцев [55, р. 12]. Повышенное внимание к этой проблеме стало возможным только в условиях радикально изменившейся в США культуры безопасности общественной жизни, поскольку эпидемии и пандемии могут являться одной из форм биотерроризма, против которого в обществе отсутствует система «раннего обнаружения и предупреждения».

Все вышеперечисленные факторы в условиях мирового финансово-экономического кризиса породили «критическую массу» взрывоопасных социально-экономических проблем, которые в конечном счёте вылились в принятие в мае 2010 г. принципиально новой доктрины национальной безопасности, в которой администрация Обамы во главу угла поставила экономическую безопасность страны.

Новая стратегия национальной безопасности США

Подготовленная администрацией Обамы Стратегия национальной безопасности США построена на: 1) тезисе о базисных и надстроечных составляющих структуры американской экономики, 2) приоритетах внутренней и внешней политики и 3) системе «идейных» ценностей, которая может быть определена как духовный сегмент общественного организма.

Представленный общественности текст национальной стратегии получился достаточно разноплановым. В самом его начале чётко сказано, что «источником американской мощи» является именно экономика. Но её необходимо обновить, поскольку старая концепция экономического развития потерпела крах. Американский народ в настоящее время оправляется от наиболее глубокой рецессии со времён «Великой депрессии».

Далее содержится призыв к американцам, чтобы, добиваясь устойчивости экономического восстановления, они одновременно закладывали основы для долгосрочного экономического роста и конкурентоспособности граждан. «Инвестиции в экономику, которые мы сделали на стадии выведения её из кризиса, являются частью более широких усилий по укреплению нашей экономической мощи путём предоставления качественного образования для подрастающего поколения американцев, стимулирования развития науки и техники и преоб-

разования энергетического сектора нашей экономики, благодаря чему будут созданы новые рабочие места и отрасли промышленности, снижения стоимости медицинского обслуживания для населения и частных бизнес-структур, сокращения дефицита федерального бюджета» [44, р. 2].

Парадокс (или отчётливо просматриваемая в тексте неоднозначность) Стратегии национальной безопасности администрации Обамы состоит в том, что собранный в ней набор формулировок декларативного плана потребовал интерпретационной их трактовки даже у американских специалистов. Эти «несостыковки» наглядно видны на примере краеугольного положения новой стратегии, согласно которому в настоящее время США «движутся в сторону преодоления традиционных различий между внутренней и национальной безопасностью. Национальная безопасность основывается на силе и стойкости американских граждан, общин и экономики» [44, р. 10]. Весной 2009 г. своим указом президент Обама слил аппараты Совета национальной безопасности, созданного в 1947 г., и Совета внутренней безопасности, образованного осенью 2001 г., в единый Совет национальной безопасности (хотя по действующему в США законодательству они по-прежнему функционируют как самостоятельные и независимые друг от друга структуры, во главе которых стоит президент США).

К важнейшим причинам такого слияния, по нашему мнению, следует отнести острую нехватку средств в федеральном бюджете США. А потому в новой Стратегии такие федеральные министерства и ведомства – Административно-бюджетное управление (АБУ) при президенте США, Министерство финансов, Государственный департамент, министерства торговли, энергетики и сельского хозяйства, аппарат Торгового представителя США и Федеральная резервная система (ФРС) – перечисляются как структуры, деятельность которых имеет самое непосредственное отношение к обеспечению национальной безопасности США [44, р. 15]. Таким образом, «экономический блок» федерального правительства, т.е. его основные министерства и ведомства, ответственные за выработку экономической и внешнеэкономической политики (впрочем, в него не вошёл Экономический совет при президенте США), преобразован в «мегаструктуру», отвечающую за обеспечение национальной экономической безопасности.

Однако новая стратегия недостаточно чётко ответила на естественный вопрос: в какой мере саму **экономическую политику** федерального правительства США теперь следует интерпретировать как **политику национальной экономической безопасности**?

Рассмотрим в контексте поставленного вопроса этот документ подробнее. Структурно он состоит из четырёх блоков (см. схему 1), которые можно представить в соответствии с пониманием того, что последующие блоки покоятся на некоем основании, роль которого и играет экономическая система общества.

Значение экономики в системе национальной безопасности США подробно изложено в разделе «Процветание», который начинается со следующего тезиса: «Фундаментом американского лидерства должна быть процветающая американская экономика» [44, р. 28].

Далее даётся «расшифровка» формулы достижения процветания, базирующегося на экономическом росте, основой которого является «доступ каждого американца к полному и конкурентному образованию; преобразование производства и потребления энергии с тем, чтобы уменьшить зависимость США от твёрдых видов топлива и возглавить движение во всём мире к созда-

нию новых рабочих мест и новых отраслей экономики; доступ к качественному и доступному медицинскому обслуживанию с тем, чтобы американские граждане, бизнес-структуры и государственный сектор не были ограничены в своём развитии растущей стоимостью медицинских услуг; ответственное управление федеральным бюджетом с тем, чтобы мы смогли сбалансировать приоритеты и не быть обременёнными долговой зависимостью. Для успеха этой стратегии США должны сохранить передовые позиции в науке и технике, которые гарантируют процветание, обороноспособность и международное научно-техническое лидерство» [44, р. 28].

В свою очередь раздел «Процветание» состоит из пяти стратегических блоков, содержащих конкретные цели (см. схему 2).

Схема 1. Логическая схема стратегии национальной безопасности США администрации Обамы

Как известно, экономика претендует на то, чтобы считаться количественной наукой, в рамках которой декларируемые цели только тогда имеют какой-либо смысл, если содержат количественные показатели и измерители. Внимательное знакомство с экономическим разделом стратегии национальной безопасности США обнаруживает, что в нём фигурируют только три показателя: 1) к 2020 г. США должны иметь самую высокую в мире долю количества выпускников вузов, хотя её величина не указана; 2) к 2014 г. США должны удвоить объём своего экспорта, по всей видимости, по сравнению с уровнем 2009 г.; 3) в результате реформы ФКС должна быть достигнута годовая экономия бюджетных средств в размере 40 млрд. долларов [44, р. 29, 32, 35].

Даже в отношении самой острой проблемы – проблемы колоссальных дефицитов и стремительно растущего долга федерального правительства, – не приведено ни одного целевого параметра изменений в проводимой фискальной политике, и у любого неспециалиста, не говоря уже о профессиональных экономистах, может возникнуть вполне естественный вопрос о том, каким образом самая высокая в мире доля выпускников вузов, удвоившийся объём экспорта и экономия бюджетных средств в размере 40 млрд. долл. повлияют на состояние национальной безопасности США в целом и национальной экономической безопасности в частности? Тем более что перечень блоков и содержа-

Схема 2. **Общая структура экономического раздела стратегии новой национальной безопасности США**

щихся в них позиций не представляет собой ничего принципиально нового – взятые сами по себе, они являются широко известными проблемами, как правило, давно и долго обсуждаемыми.

Стратегия обеспечения национальной экономической безопасности, построенная на директивных установках вроде «увеличить – уменьшить», «расширить – сократить», «больше – меньше» и т.д. и т.п., «по определению» требует толкования для «непосвящённых», но желающих понять её глубинный замысел. Примечателен тот факт, что эта стратегия потребовала «специального

брифинга» хотя бы для сенаторов и конгрессменов, для чего потребовался обширный доклад Исследовательской службы Конгресса (ИСК) США, появившийся в начале 2011 г., который и содержит такого рода интерпретационную модель. На её основании можно сделать однозначный вывод о том, что стратегия обеспечения национальной экономической безопасности действительно строится на ряде глубинных изменений, произошедших в сознании высшего политического руководства США под влиянием мирового финансово-экономического кризиса*.

Прежде всего, это касается такого на первый взгляд «всем хорошо известного» понятия, как «экономический рост». В глобальных масштабах «всё значение экономического роста для национальной безопасности отчётливо показал глобальный финансовый кризис 2008–2009 гг.» [44, р. 24].

Как указывается в докладе ИСК, «политика стимулирования экономического роста и такие экономические проблемы, как безработица, традиционно рассматривались как имеющие отношение к внутренним проблемам, в значительной степени не связанные с соображениями национальной безопасности» [20, р. 4]. Повторявшиеся в ходе «великой рецессии» 2007–2009 гг. и слышимые в настоящее время сравнения текущего мирового финансово-экономического кризиса с периодом «Великой депрессии», по всей видимости, не являются данью «красивым и громко звучащим фразам», а имеют гораздо более глубокий экономический смысл. С середины XX века, и особенно с 1960-х годов, экономический рост стал привычной функцией и «нормой» эволюции высокоразвитых с научно-технической точки зрения экономических систем – вплоть до недавнего времени вся проблематика экономического роста сводилась, по сути, к различиям в его темпах и в меньшей степени к различиям в его факторах. **Способность высокоразвитой с научно-технической точки зрения экономики генерировать устойчивые темпы роста под сомнения не ставилась.** В этом плане базовый алгоритм развития экономики США в последние десятилетия выглядел сравнительно простым: фазы устойчивого роста продолжались примерно 10 лет, затем следовали короткие периоды спада, которые могли считаться формой «экономической коррекции» накопившихся диспропорций – именно этим и объяснялись рецессии 1960–1961 гг., 1969–1970 гг., 1980–1982 гг., 1990–1991 гг. и 2001 г. Очень многие экономисты, как в США, так и в России и других странах мира, искренне пытались так же трактовать и последний финансово-экономический кризис, начавшийся в США в 2007 году.

Иногда американскую экономику в фазе экономического подъёма сотрясали шоки, как это имело место в 1958 г. и в 1974–1975 гг., но они носили внеш-

* По всей видимости, идея увязать экономику и экономическую политику с национальной безопасностью принадлежит М. Фелдстейну, который в 2009 г. был советником администрации Обамы, будучи членом Экономического консультативного совета, возглавлявшегося П. Волкером. Летом 2009 г. Фелдстейн написал короткое эссе «Экономические условия и национальная безопасность США в 1930-е годы и в настоящее время», в котором изложил своё понимание ключевых точек соприкосновения экономики и интересов национальной безопасности США. Одну из главных концепций, развитых М. Фелдстейном, составлял тезис о том, что США должны резко ускорить темпы своего экономического роста с тем, чтобы избежать дилеммы «пушки» (военный бюджет) или «масло» (социальные программы). Большие размеры «экономического пирога», получаемого в результате ускоренных темпов экономического роста, писал Фелдстейн, позволяют США «постоянно увеличивать долю военных расходов в ВВП без сокращения социальных расходов или повышения предельных налоговых ставок путём уменьшения количества “налоговых расходов”, присутствующих в системе федерального подоходного налогообложения» [28, р. 19].

ний характер и не оказывали большого воздействия на «естественную способность» экономики США к росту. В целом с конца 1940-х годов по 2007 г. американскую экономику по нашему мнению можно охарактеризовать как стационарную, поскольку действовавшие в ней силы – подобно силам, действующим в физических системах – эффективно балансировали друг друга.

Однако, как показала «Великая депрессия», высокоразвитая по историческим меркам экономика, каковой являлась американская экономика в конце 1920-х годов, может утратить способность к экономическому росту и поступательному развитию.

С позиций интерпретационной модели, развиваемой в докладе ИСК, ведущие американские экономисты, анализируя медленные темпы восстановления американской экономики после достижения дна спада во втором квартале 2009 г., подспудно пришли к выводу, что эта экономика и, возможно, другие высокоразвитые экономики стран Западной Европы, а также Японии, подошли к такому рубежу в своём развитии, когда рост перестал быть «естественной функцией» жизнедеятельности экономических систем.

Этот диагноз достаточно хорошо читается в тексте и «между строк» доклада ИСК, в котором, в частности, говорится, что «главная экономическая проблема, стоящая в настоящее время перед США, сводится к тому, какие меры необходимо предпринять, чтобы вернуть экономику на траекторию устойчивого долгосрочного роста и уменьшить тем самым разрыв между потенциальным и реальным объёмами ВВП США» [20, р. 2].

В условиях, когда высокоразвитая экономика утрачивает способность к устойчивому долгосрочному экономическому росту, возникают две критически важные проблемы. Первая связана с необходимостью сохранения «в боевой форме» основных факторов, обеспечивающих экономический рост, с целью **недопущения их необратимой деградации** (например, в форме охарактеризованной выше деиндустриализации), особенно человеческого капитала и научно-технического потенциала страны; вторая проблема состоит в поиске механизма «запуска» устойчивого долгосрочного экономического роста. И тогда сразу становится понятной глубинная логика стратегии национальной безопасности США администрации Обамы, которая **распространила принципы безопасности на факторы экономического роста**, перечисленные в пяти блоках, приведённых на схеме 2, особенно в блоке «человеческий капитал» и в блоке «наука, техника и инновации».

Не менее важным является и правильный выбор экономической политики, ибо ошибка в решении этой проблемы может поставить на грань катастрофы всё общество в целом, и именно поэтому во главу экономической политики должны быть поставлены интересы и соображения национальной безопасности. Утрата экономикой естественной способности к росту может явиться следствием неспособности рыночного механизма **даже не воспроизводить, а просто поддерживать** такое сочетание привлекаемых извне экономических факторов таким образом, чтобы они обеспечивали устойчивый рост.

В принципе существуют два основных механизма «запуска» экономического роста. В конкретных американских условиях первый механизм основан на принципах экономики предложения, и напрямую связан с резким сокращением расходов федерального бюджета «при удержании налоговой нагрузки на предпринимателей на низком уровне с тем, чтобы побудить их к большим инвестициям в производственные мощности и к созданию рабочих мест». Второй

механизм связан с использованием кейнсианской трактовки роста, и предполагает дефицитное финансирование «на всём протяжении рецессии и первых фаз восстановительного процесса для компенсации падения потребления сектора домашнего хозяйства и инвестиционной активности бизнеса» [20, р. 2].

Однако оба эти подхода исходят из базисной посылки о том, что «экономический рост и увеличение занятости лучше всего могут быть обеспечены монетарной и фискальной политикой» [20, р. 2]. И вот здесь вся недосказанность официальной американской стратегии национальной экономической безопасности проступает в полной мере, ибо в современных условиях, как и в годы Второй мировой войны, основным механизмом «запуска» долгосрочного экономического роста является промышленная, в том числе военно-промышленная политика, которая и бросает вызов устоявшимся за последние два десятилетия базовым стереотипам американской экономической идеологии: «Появление азиатской модели развития, основанной на смешанной рыночной и социалистической экономике, крупные государственные корпорации в Китае и ряде стран Ближнего и Среднего Востока, государственное вмешательство в регулирование валютных рынков и явный протекционизм в защите внутренних отраслей экономики от конкуренции импортной продукции наряду с хроническими огромными торговыми дефицитами и растущим государственным долгом США и многих европейских стран **поставили под сомнение большую часть положений господствующей экономической идеологии**. В сегодняшнем глобализирующемся и конфликтном мире Соединённым Штатам, возможно, потребуются более прямой подход к развитию экономики с тем, чтобы обеспечить долгосрочную безопасность страны» [20, р. 4]. В докладе ИСК США в этой связи большое внимание уделено военно-промышленной политике США, которая в годы Второй мировой и «холодной» войн обеспечила наиболее эффективное сочетание промышленной базы, высококвалифицированного человеческого капитала и новейших достижений в науке и технике, приведших к созданию ядерного оружия, компьютеров, полупроводников, межконтинентальных баллистических и космических ракет, реактивной авиации, включая стратегические бомбардировщики-«невидимки», и атомных подводных лодок и авианосцев [20, р. 15–24].

Однако в полной мере роль концепции национальной экономической безопасности наглядно обнаруживает себя в тех разделах стратегии, в которых артикулируется роль США в системе мировых экономических связей. По сути, под влиянием мирового финансового кризиса администрация Обамы отошла от концепций 1990-х годов об открытой глобальной экономике, которая теперь трактуется как растущий источник угрозы для национальной безопасности США: «шоковые удары по глобальной экономике могут порождать экономические катастрофы, включая потерю работы, падение жизненного уровня населения в отдельных регионах страны, нестабильность и утрату американского влияния в зарубежных странах. Кроме того, растущее благосостояние в большинстве стран мира оборачивается диффузией экономической мощи, что создаёт более жёсткую конкурентную среду для американского народа и бизнеса» [44, р. 28].

«Между строк» официального текста новой стратегии национальной безопасности вполне отчётливо просматривается общий замысел «нового мирового экономического порядка»: США и их экономика должны быть защищены от шоковых потрясений в системе мировых финансово-экономических связей,

при этом «безопасность» и выполняет роль оградительного барьера, в то время как другие страны, в том числе промышленно развитые, должны быть в максимальной степени открыты, оставаясь в рамках базовой парадигмы глобализации 1990-х годов, что и даст возможность США реализовать свои конкурентные преимущества в сфере как торговых, так и финансовых отношений. При этом **способность США обеспечить свою национальную экономическую безопасность выступает в современных условиях важнейшим фактором сохранения и повышения их конкурентоспособности** в глобальной экономике, ибо другие страны не могут позволить себе подобного рода «роскоши». Следовательно, в конечном счёте США неизменно будут оставаться «тихой, хорошо защищённой и надёжно укрытой гаванью», куда при ухудшении политической и социально-экономической ситуации в других странах и регионах мира смело могут устремиться потоки всех видов капитала, как финансового, так и человеческого. Только так и следует читать искусно «вмонтированный» в текст новой стратегии пассаж об иммиграционной реформе, в котором с обезоруживающей откровенностью заявлено о том, что **«в итоге национальная безопасность США зависит от нахождения баланса между безопасностью и открытостью»** [44, р. 30].

В интерпретационной модели новой американской стратегии национальной безопасности, предложенной ИСК США, отсутствие системы национальной экономической безопасности в других странах открыто связывается высшим политическим руководством США с состоянием перманентного и хронического кризиса (синдром «Великой депрессии»), в котором могут оказаться подобного рода страны: «Процесс противодействия мировому финансово-экономическому кризису практически во всех странах прошёл четыре основные стадии. На первой стадии вмешивалось государство, которое сдерживало сползание экономики в системный кризис и восстанавливало доверие к системообразующим институтам. На второй стадии происходило противодействие вторичным последствиям кризиса в виде глобальной рецессии и бегству капитала из стран с развивающимися рынками и из других стран, охваченных кризисными явлениями. На третьей стадии страны занялись реформированием своих финансовых систем с целью уменьшения рисков и предотвращения будущих кризисов. **На четвёртой стадии решались вопросы, связанные с политическими и социальными последствиями, а также последствиями для национальной безопасности** (выделено нами. – Авт.), вызванными финансовыми потрясениями. В Европе основные имеющиеся страхи порождены тем, что кризис с суверенными долгами в Греции и Ирландии может вновь вернуть эти страны на первую стадию финансово-экономического кризиса» [20, р. 52]. А вместе с ними – и всю Европу, поскольку она слишком «открыта» и систематически пренебрегает вопросами общеевропейской экономической безопасности: это достаточно хорошо читается между строк доклада ИСК США.

Только этим, однако, повышенное внимание высшего политического руководства США к функциональной роли национальной экономической безопасности в современной глобальной экономике не ограничивается. Мировой финансово-экономический кризис, вполне возможно, знаменует начало новой эпохи в системе международных финансово-экономических отношений, в которой «права гражданства» обретут инструменты из, казалось, давно списанного арсенала экономических войн.

«Новое» экономическое мышление, или конспирологическая теория финансовых потрясений 2008 г.

Период после окончания «холодной войны», как подчеркивается в новой американской стратегии национальной безопасности, не принёс нашей планете долгожданного всеобщего мира и согласия; более того, «на смену идеологическим войнам пришли религиозные, этнические и племенные войны; круг ядерных опасностей ещё больше расширился» [44, р. 1]. В круг этих конфликтов, по всей видимости, могут быть отнесены и экономические войны. Появлению новой американской доктрины национальной экономической безопасности способствовал, вероятно, ещё один фактор. Возможно, впервые после окончания «холодной войны» к анализу причин и механизма мирового финансово-экономического кризиса были подключены аналитики разведывательного сообщества США, которые летом 2009 г. вынесли вполне однозначный и вместе с тем далекоидущий вердикт: финансовые потрясения в США в 2008 г. вполне могли явиться следствием «финансовой террористической атаки» против США, совершённой группой лиц внутри страны или за её пределами, действовавших под влиянием только экономических факторов (ради получения прибылей) и/или политических расчётов, направленных против США по сугубо идеологическим мотивам. Общий вывод открытой версии доклада, который стал достоянием общественности только в начале 2011 г., в рамках исследования, проведённого по заказу Министерства обороны США, гласит: «Существуют все основания для рассмотрения гипотезы о том, что, вероятно, имела место согласованная экономическая атака, первоначально направленная против финансовых институтов США. Эта теория подтверждается экспертами, включая управляющих хедж-фондами, нынешними и прошлыми руководителями федеральных регулирующих органов, академическими исследователями и другими специалистами» [30, р. 74].

Традиционное экономическое мышление рассматривает фазы экономического цикла как «следствие естественной эволюции существующих тенденций развития рынка и экономической конъюнктуры. С этой точки зрения рынки предрасположены к периодическим потрясениям, которые влекут за собой экономические рецессии». Экономические кризисы, взятые сами по себе, «вероятно, являются неизбежными, но их ход усугубляется действиями юридических и физических лиц, желающих использовать нетрадиционные, хотя и законные средства извлечения максимальных прибылей, играя на слабостях отдельных фирм или отраслей экономики. Обусловленные этим нарушения в экономической деятельности являются побочным следствием их ненамеренных действий» [30, р. 14].

Этим привычным формам экономического мышления, восходящим своими корнями к политэкономии XIX века, может быть противопоставлен современный взгляд на любой финансово-экономический кризис, согласно которому таковой «является продуктом намеренной конкретной финансовой атаки на экономику, предпринятой одним или большим количеством действующих лиц, действовавших под влиянием комбинации факторов» [30, р. 15]. Естественно, мимо внимания американских стратегов, в том числе военных, разрабатывающих новые виды вооружений, не мог пройти тот факт, что **в ходе финансово-**

го кризиса 2007–2009 гг. мировая экономика понесла ущерб в 50 трлн. долл., из которых порядка одной трети пришлось на долю США [30, р. 6]. В этой связи можно привести такие данные. Согласно имеющимся оценкам, **экономический ущерб, который все страны мира понесли в результате Второй мировой войны, составил 1,3 трлн. долл.** (в ценах 1970–1980-х годов) [9, р. 122]. По состоянию на 2010 г. **затраты США на все войны, которые они вели на протяжении своей 230-летней истории, составили 6,9 трлн. долл.** (в постоянных ценах 2011 фин.г.) [Рассчитано по: 19, р. 1–2]. И, наконец, макроэкономический **ущерб для экономики США от террористических атак 11 сентября 2001 г. оценивался** в конце 2002 г. **в 500 млрд. долл.** и состоял, главным образом, из ассигнований по линии федерального бюджета и вливаний денежной массы по линии ФРС [17, р. CRS-10 – CRS-11].

Согласно исследованию, выполненному по заказу Министерства обороны США, мировой финансовый кризис 2008 г. был, по сути, спровоцирован ситуацией на рынке дефолтных кредитных свопов (*credit default swaps*), которые известный американский финансист У. Баффет ещё в начале XXI века назвал «финансовым оружием массового поражения», несущим смертельную угрозу [30, р. 27]. Иначе говоря, **разрушительный экономический потенциал дефолтных кредитных свопов специалисты по военным и экономическим играм считают сопоставимым с потенциалом оружия массового поражения**, потенциальный ущерб от воздействия этого оружия признан неприемлемым, а финансовые риски чрезмерными.

Механизм кредитного свопа на случай дефолта состоит в том, чтобы заставить инвестора, прокредитовавшего эмитента ценных бумаг (например, облигаций), то есть вложившего в них свои деньги, «пустить» в оборот и резервный капитал, т.е. те денежные средства, которые отложены на «чёрный день», т.е. на случай, если выданные кредиты не будут кредитору возвращены.

Громогласно объявлялось, что своп задумывался как своего рода «страховой полис» (с определённой страховой премией, естественно) по отношению к выданным кредитам на случай их дефолта.

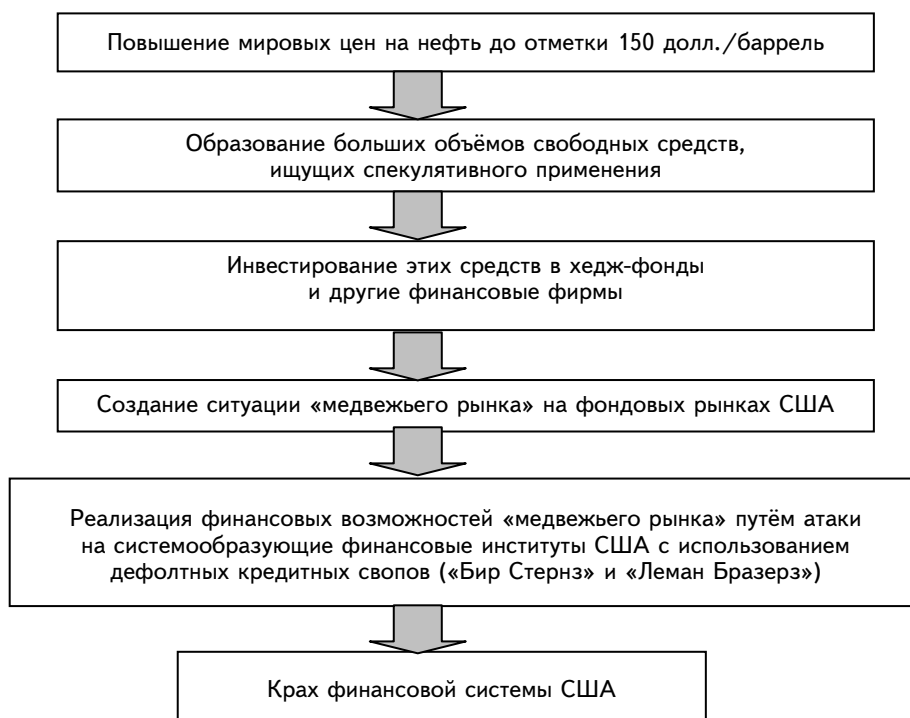
Этот вид производного финансового инструмента был разработан инвестиционным банком «Дж. Пи. Морган» в 1994 г. и «запущен» на финансовые рынки в 1997 г. Фактически он стал мощным насосом «перекачивания» реальных денег в фиктивный капитал. Уже в первый год действия номинальный объём кредитных свопов составил 200 млрд. долл., в 2001 г. – 1 трлн., а к концу 2007 г. – свыше 60 трлн. долл., что соответствовало пяти номинальным ВВП США на тот момент [5, р. 8]*. Причина столь стремительного роста объёма мирового рынка дефолтных кредитных свопов состояла в том, что, поскольку они являются частными соглашениями, продавцы свопов могут одновременно являться и их покупателями. К середине 2008 г. номинальный объём свопов примерно в 10 раз превышал реальную стоимость застрахованных долгов. В результате, как отмечалось в докладе, подготовленном по заказу Министерства обороны США, «возникло колоссальное количество покупателей и продавцов, что создало угрозу потенциальной цепной реакции в масштабах всей финансовой системы США в случае даже ограниченных случаев дефолта» [30, р. 77].

* К концу 2009 г. объём этого рынка уменьшился вдвое и составил немногим более 30 трлн. долларов.

Фундаментальная особенность мирового рынка дефолтных кредитных свопов состоит в том, что они «концентрируются в руках ограниченного круга крупнейших дилеров, общее количество которых едва превышает 10 брокерских фирм» [5, р. 9]. Поэтому, как подчёркивалось в докладе, подготовленном по заказу Министерства обороны США, «недостаток прозрачности и отсутствие регулирования обернулись ситуацией, когда вся финансовая система США стала исключительно уязвимой к манипулятивному воздействию» [30, р. 27].

Однако цепная реакция обрушения рынка дефолтных кредитных свопов могла произойти только при определённых условиях, образующих так называемое «окно возможностей» для манипулирования таким производным финансовым инструментом. Общая модель финансовой террористической атаки, которой предположительно в 2008 г., подверглись США, приведена на схеме 3.

**Схема 3. Модель цепного обрушения
финансовой системы США в 2008 г.**

С января 2007 г. по июнь 2008 г. цена на нефть в США увеличилась в 3 раза – с 50 до 150 долл./баррель. Фактически на рынке углеводородов возник спекулятивный пузырь, который позволил аккумулировать капиталы порядка 1,2 трлн. долл. в 2007 г. и порядка 2 трлн. долл. в 2008 г. [30, р. 1]. Эти средства аккумулировались в национальных фондах благосостояния стран-экспортёров нефти, но учитывая интернациональный характер современных фондовых рынков, по всей видимости, немалая часть лиц, контролировавших эти новые богатства, стала искать применения, инвестируя полученные средства в американские хедж-фонды: «не вызывает никакого сомнения, что имел место колоссальный всплеск спекулятивной активности на рынке нефти, а

средства национальных фондов благосостояния стали направляться в хедж-фонды» [30, р. 23].

В рамках традиционного экономического мышления «медвежий рынок», т.е. возможность получать прибыли не на росте биржевых котировок, а на их падении, в научной литературе по-настоящему глубоко не исследован, поскольку, согласно постулатам теории эффективного рыночного механизма, такой рынок считается весьма недолговечным: «любые рыночные атаки “медведей” носят временный характер, поскольку растущий приток покупателей быстро скупит все недооценённые акции» [30, р. 25]. Однако фундаментальная особенность «медвежьих рынков» состоит в том, что в отличие от «бычьих рынков», построенных на рациональных принципах, «медведи» питаются слухами, порождающими панику, и в ответ «инвесторы начинают вести себя иррационально» [30, р. 25].

Посеять панику среди инвесторов может только «медвежья атака» на крупный системообразующий финансовый институт, каковым весной 2008 г. и стал инвестиционный банк «Бир Стернз», который в тот период занимал пятую позицию среди крупнейших инвестиционных банков США, успешно пережив «Великую депрессию», Вторую мировую войну, биржевой крах 1987 г. и террористическую атаку 11 сентября 2001 г. В январе 2007 г. каждая его акция стоила 171 долл.; в марте 2008 г. банк «Дж. Пи. Морган» приобрёл «Бир Стернз», уплатив за каждую акцию 2 долл. «Бир Стернз» явно погубили слухи о его неминуемом крахе, поскольку на момент банкротства 10 марта 2008 г. его наличный резервный капитал составлял 18,1 млрд. долл. [30, р. 10]. Общий вывод аналитиков и специалистов по национальной безопасности свёлся к тому, что «инвестиционный банк “Бир Стернз” стал целью и жертвой чрезвычайно успешной “медвежьей атаки”» [30, р. 25]. После этого «медвежьи атаки» против системообразующих финансовых институтов США были продолжены, и в сентябре 2008 г. их жертвой стал один из старейших банков США «Леман бразерз», результатом чего явился «крах фондового рынка, замораживание активности на кредитных рынках и погружение глобальной экономики почти в депрессивное состояние»; при этом, как и в случае с «Бир Стернз», крах «Леман бразерз» явился следствием самого искусного «распространения слухов и манипулирования кредитными свопами на случай дефолта» [30, р. 26].

Американские специалисты по национальной безопасности пришли к выводу, что крах «Леман бразерз» был, по всей видимости, очередной атакой «медведей», которые вошли «во вкус» своих финансовых афер и не приняли в расчёт то обстоятельство, что за крахом одного из старейших банков страны последует обрушение всей финансовой системы США. В условиях, когда «физические и юридические лица, организующие “медвежьи атаки”, не просто предпочитают анонимность, но и планируют её с самого начала своих действий» [30, р. 38], выявить конкретных организаторов подобного рода атак – задача, требующая специальных усилий правоохранительных органов США. Тем не менее проведённое расследование подобного рода, в основу которого был положен принцип оценки прибыльности хедж-фондов за 2008 г., выявило четыре наиболее «подозрительных» фонда, получивших многомиллиардные прибыли, хотя 2008 г. оказался одним из самых убыточных в их истории, когда в

Таблица 5

Самые прибыльные хедж-фонды США по итогам 2008 г.

№ п/п	Имя владельца фонда	Название фонда	Прибыли в 2008 г., млрд. долл.
1	Джеймс Саймонс	«Ренессанс технолоджиз корп.»	2,5
2	Джон Полсон	«Полсон & Ко Инк.»	2,0
3	Джон Арнольд	«Сентаурус энедж»	1,5
4	Джордж Сорос	«Сорос фанд менеджмент»	1,1

Freeman K. Economic Warfare: Risks and Responses. Analysis of Twenty-First Century Risks in Light of the Recent Market Collapse. Cross Consulting and Services, LLC. June 2009. P. 91 (<http://www.deepcapture.com>).

совокупности они потеряли 21,63% в расчёте на совокупную стоимость своих активов [6], при этом убыточными оказались 85% всех фондов. Перечень самых прибыльных хедж-фондов по итогам 2008 г. приводится в табл. 5.

Здесь уместно вспомнить, что по сообщениям западной прессы инвестиционным советником корпорации «Полсон & Ко» является не кто иной, как бывший шеф ФРС А. Гринспен, который занялся бизнесом после своей отставки в 2006 г. [42]. Основатель этой компании – Джон Полсон (не путать с бывшим министром финансов Генри Полсоном!), – известен тем, что в 2007 г., играя на рынке недвижимости, больше всех в мире выиграл на глобальном обрушении кредитных рынков (его прибыль составила 550% или 4 млрд. долл.). Как видно из таблицы, в 2008 г. эта компания также оставалась среди наиболее удачливых игроков на инвестиционных рынках [2].

Следует также указать, что в упомянутом выше докладе, подготовленном по заказу Министерства обороны США, имя Дж. Сороса упоминается несколько раз в связи с (1) его ролью организатора «медвежьей атаки» на Банк Англии и последовавшим за этим обрушением курса фунта стерлинга в 1992 г.; (2) его утверждениями о том, что большинство теоретиков не понимают смысла, природы и тех возможностей, которые открывают для финансистов «медвежьи атаки»; (3) его высказываниями о колоссальной опасности дефолтных кредитных свопов для дестабилизации финансовых рынков [30, р. 24, 44, 77–78, 99].

Доклад также акцентирует внимание на давно забытые «легенды» Уолл-стрит, согласно которым биржевой крах 1929 г. и рецессия 1937–1938 гг. в США в действительности были «из-за кулис» организованы финансовым «гением» того периода Дж. Ливермором, который, в частности, заработал на крахе Уолл-стрит в 1929 г. более 100 млн. долл. [30, р. 23, 31]. Доклад также содержит косвенное указание на то, что «Дж. Ливермором» сегодняшнего дня

* Громогласные заявления о роли «медведей» в обрушении финансовой системы США в 2008 г. не могли пройти мимо внимания академических «тугодумов». В последнее время в США появились исследования, в которых наметился отход от привычной модели трактовки «медвежьих атак» как формы коррекции фондовых рынков, в итоге способствующей повышению эффективности их функционирования, сформулированной ещё в конце 1970-х годов. Американские экономисты Б. Блау и Т. Бру в своём исследовании «медвежьих атак» на фондовых рынках США на основе репрезентативных данных, относящихся к 2006 году, характеризовавшемуся значительным ростом биржевой активности, не без удивления отметили два фактора: во-первых, вопреки ранее бытовавшим взглядам, «медвежьи атаки» были направлены не только на акции слабых компаний, но и на акции сильных фирм, являющихся рыночными лидерами, и, во-вторых, «медведи» обладали «необычайной способностью предвидеть реверсное движение биржевых котировок» [10, р. 16]

явился не кто, как Б. Мэдофф, который теперь навсегда изолирован от общества по причине того, что именно он является держателем патента «Современная технология обрушения финансовых систем» и по причине того, что 150-летний срок заключения он в действительности получил за «финансовый терроризм против США» (Б. Мэдофф был арестован в декабре 2008 г.).

В этой связи в докладе упоминается расследование, по всей видимости, проведенное правоохранительными органами, «аномальной» торговой активности на фондовых рынках США с 2006 по ноябрь 2008 г. которую проводили две неназванные брокерские фирмы, до этого в течение нескольких десятилетий работавшие на Уолл-стрит. За двухлетний период через эти фирмы прошло 203 млрд. акций на сумму более 5 трлн. долл. (!); для сравнения можно указать, что на тот период на Нью-Йоркской фондовой бирже было зарегистрировано и обращалось 427 млрд. акций. Это стало возможно в результате того, что в октябре 2008 г. по линии этих двух фирм совершалась 641 тыс. торговых сделок с акциями в час; таким образом, если в сентябре 2006 г. объём ежемесячно торгуемых этими фирмами акций составлял 350 тыс. (менее 1% всего объёма торговли акциями за месяц на Нью-Йоркской фондовой бирже), то через год – в сентябре 2007 г. – он достиг уровня 600 тыс. акций, или порядка 6% всего ежемесячного объёма торговли акциями, а к сентябрю 2008 г. превысил уровень в 8 млрд. акций, что соответствует 19% ежемесячного объёма торговли акциями на Нью-Йоркской фондовой бирже [30, р. 41–43].

По линии этих двух фирм с июня по сентябрь 2008 г. прошло немногим более 1 млрд. акций «Леман бразерс», и эта торговая активность обернулась тем, что цена каждой акции упала с 33,83 долларов до 21 цента по состоянию на 15 сентября 2008 г., т.е. на момент объявления банкротства банка. Эта операция и стала классикой «медвежьей атаки» на один из крупнейших банков США, когда денежные средства зарабатывались на каждом падении его котировок на протяжении почти четырёх месяцев*.

Среди многочисленных рекомендаций доклада, возможно, есть и самый главный вывод, который гласит: «Необходимо признать, что **защита американской экономики и её промышленности является самым главным приоритетом политики США в военной сфере, который должен быть адекватным образом финансируван и обеспечен.** Основанная на небоевых средствах, экономическая война является эффективным инструментом защиты американского образа жизни» [30, р. 75].

В условиях растущих бюджетных ограничений правящие круги США активно изыскивают пути и средства реализации целей укрепления военного могущества США невоенными средствами, среди которых экономическая война выступает логической альтернативой создания всё более дорогих систем вооружений. В докладе приводятся многочисленные примеры использования инструментов экономической войны; в частности, в начале 1990-х годов они были

* Работы американских академических специалистов последнего времени косвенно подтверждают этот вывод доклада. На основе анализа итогов работы американских хедж фондов в «аномальном» 2008 г. аналитиками Д. Брауном, Дж. Грином и Дж. Хэндом была высказана гипотеза о том, что в кризисных условиях в финансовой системе может возникнуть ограниченное число фондов, действия которых могут «опрокинуть» всю финансовую систему: «существует вероятность того, что небольшое число фондов с характеристиками, которые с трудом поддаются определению, могут создавать угрозу системных рисков» [11, р. 19].

применены против СССР, ослабленного политическими и социально-экономическими реформами, получившими в тот период общее название «перестройка». Резкое манипулятивное снижение цен на нефть после окончания войны в Персидском заливе в 1991 г. и явилось «спусковым механизмом» последовавшего в конце года распада СССР [30, p. 17].

Возможно, именно по этой причине администрация Обамы при обсуждении и принятии в июле 2010 г. реформы финансовой системы США, известной как закон Додда – Фрэнка о реформе Уолл-стрит и защите потребителей (P.L. 111-203), отказалась от запрета обращения дефолтных кредитных свопов. Вместо этого администрация встала на путь регулирования рынка этих свопов на основе стандартизированных алгоритмических, т.е. читаемых компьютерами, договоров об их купле-продаже, надеясь, что система финансового мониторинга органами федерального правительства рынка дефолтных свопов, во-первых, позволит быстро выявить спекулянтов и потенциальных «финансовых террористов», использующих этот вид производных финансовых инструментов, и, во-вторых, явится своего рода «предупредительной системой» по отношению к возможному спекулятивному использованию кредитных свопов на случай дефолта, поскольку регулирующие органы федерального правительства, основываясь на этой системе, будут иметь возможность в будущем в реальном режиме времени отслеживать все сделки с этими видами производных финансовых инструментов [40, p. 15–16].

Стратегический замысел использования этого вида экономического оружия в национальных интересах США отчётливо проступил летом 2011 г. во время обострения ситуации с долговой зависимостью Греции, когда торговля дефолтными кредитными свопами вышла на рекордный уровень, поскольку спекулянты решили заработать колоссальные средства на обрушении греческой долговой пирамиды. Как отметили в этой связи американские финансовые аналитики, «на этот раз под ударом оказались не просто банки, а целые страны, оказавшиеся перед перспективой дефолта по своим долговым обязательствам. В центре греческого финансового кризиса вновь оказались дефолтные кредитные свопы» [37].

Подводя итоги вышеизложенному, можно сделать вывод о том, что США (как впрочем и остальные страны мира) действительно вступили в период, характеризующийся тем, что в настоящее время **«не существует ни одного аспекта их экономической политики, который не затрагивал бы интересов национальной безопасности страны. Подобным же образом не существует ни одной проблемы национальной безопасности, которая не оказывала бы влияния на экономику»** [20, p. 77].

Список литературы

1. *Роговский Е.А.* США: информационное общество (экономика и политика). М.: Международные отношения, 2008. 408 с.
2. *Роговский Е.А.* Научно-технический прогресс и кризис // США ✧ Канада: экономика, политика, идеология. 2009. № 10. С. 23–44.
3. *Aisen A. and Jose Veiga F.* How Does Political Instability Affect Economic Growth? // IMF Working Paper. WP/ 11/12. Washington, 2011. 28 p. (<http://www.imf.org>).

4. Analytical Perspectives. Budget of the United States Government. Fiscal Year 2005. Washington, 2004. ix + 394 p.
5. *Avelanda M. & Cont R.* Transparency in Credit Default Swap Markets. July 2010. 23 p. (<http://www.isda.org>).
6. Barclay Hedge. Barclay Hedge Fund Index, 2007–2011 (<http://www.barclayhedge.com>).
7. BEA. Industry Economic Accounts> Gross-Domestic-Product-by-Industry-Accounts, 1947-2010> Value Added by Industry as a Percentage of Gross Domestic Product>Interactive Tables (<http://www.bea.gov>).
8. BEA. National Income and Product Accounts Table. Table 1.1.1. Percent Change from Preceding Period in Real Gross Domestic Product. Interactive Tables (<http://www.bea.gov>).
9. *Beer F.* Peace against War: The Ecology of International Violence. San Francisco: W. H. Freeman & Co., 1981. xxvi + 447 p.
10. *Blau B. and Brough T.* Bear Raids by Short Sellers. Posted 11.03.2011. 26 p. (<http://www.ssrn.com/abstract=1777244>).
11. *Brown G., Green J., Hand J.* Are Hedge Funds Systemically Important? September 2010. 31 p. (<http://www.ssrn.com/abstract=1689079>).
12. *Losman D.* Economic Security: A National Security Folly? // Policy Analysis. Cato Institute. 1.08.2001. No. 409. 12 p.
13. CBO. Macroeconomic and Budgetary Effects of Hurricane Katrina. 6.09.2005. ii + 7 p. (<http://www.cbo.gov>).
14. CBO. An Assessment of CES and Cobb-Douglas Production Functions. June 2008. 2008-05. Washington, 2008. ii + 30 p. (<http://www.cbo.gov>).
15. Centers for Disease Control and Prevention. Injury Prevention & Control. Injuries and Violence are Leading Causes of Death: Key Data & Statistics (<http://www.cdc.gov>).
16. *Cooley K.* Energy Security is National Security. Comments Featured at the 2010 Topical Symposium: Economic Security: Neglected Dimension of National Security? Hosted by: The Institute for National Strategic Studies of the National Defense University, 24–25.08.2010. iii + 9 p. (<http://www.isnss.com>).
17. CRS. The Economic Effects of 9/11: A Retrospective Assessment. 27.09.2002. RL31617. Washington, 2002. iv + 55 p. (<http://www.crs.gov>).
18. CRS. The Export Administration Act: Evolution, Provisions, and Debate. 15.07.2009. RL31832. Washington, 2009. ii + 27 p. (<http://www.crs.gov>).
19. CRS. Costs of Major U.S. Wars. June 29, 2010. RS22926. Washington, 2010. ii + 5 p. (<http://www.crs.gov>).
20. CRS. Economics and National Security: Issues and Implications for U.S. Policy. 4.01.2011. R41589. Wash., 2011. iii + 77 p. (<http://www.crs.gov>).
21. Deep Water. The Gulf Oil Disaster and the Future of Offshore Drilling. Report to the President. National Commission on the BP Deepwater Horizon Oil Spill and Offshore Drilling. Washington, 2011. xii + 381 p.
22. *Dolfman M., Wasser S., and Bergman B.* The Effects of Hurricane Katrina on the New Orleans Economy // Monthly Labor Review. June 2007. P. 3-18.

23. *Duttagupta R. and Mlachila M.* What is Really Good for Long-Term Growth? Lessons from a Binary Classification Tree (BCT) Approach // IMF Working Paper. WP/08/263. Washington, 2008. 27 p. (<http://www.imf.org>).
24. Economic Report of the President – 2004. Washington, GPO, 2004. iii + 412 p.
25. Executive Office of the President. A Framework for Revitalizing American Manufacturing. December 2009. 32 p. (<http://www.whitehouse.gov>).
26. FBI. 2005 CSI/FBI Computer Crime and Security Survey. 24 p. (<http://www.GoCSI.com>).
27. FBI. 2009 Internet Crime Report. 23 p. (http://www.ic3.gov/media/annualreport/2009_ic3report.pdf).
28. *Feldstein M.* Economic Conditions and U.S. National Security in the 1930s and Today // NBER Working Paper Series. Working Paper 15290. August 2009. 23 p. (<http://www.nber.org/papers/w15290>).
29. Fiscal Year 2012. Analytical Perspectives. Budget of the U. S. Government. Washington, 2011. xii + 481 p.
30. *Freeman K.* Economic Warfare: Risks and Responses. Analysis of Twenty-First Century Risks in Light of the Recent Market Collapse. Cross Consulting and Services, LLC. June 2009. 110 p. (<http://www.deepcapture.com/>).
31. GAO. CYBERSPACE. United States Faces Challenges in Addressing Global Cybersecurity and Governance. July 2010. GAO-10-606. Washington, 2010. iv + 46 p. (<http://www.gao.gov/new.items/d10606.pdf>).
32. GAO. Border Security. Preliminary Observations on Border Control Measures for the Southwest Border. 15.02.2011. GAO-11-374T. Washington, 2011. i + 13 p. (<http://www.gao.gov>).
33. GAO. Border Security. Preliminary Observations on the Status of Key Southwest Border Technology Programs. 15.03.2011. GAO-11-448T. Washington, 2011. i + 11 p. (<http://www.gao.gov>).
34. GAO. Border Security. DHS Progress and Challenges in Securing the U.S. Southwest and Northern Borders 30.03.2011. GAO-11-508T. Washington, 2011. i + 24 p. (<http://www.gao.gov>).
35. *Harris T. et. al.* Annual Industry Accounts: Revised Statistics for 2007–2009 // Survey of Current Business. January 2011. P. 9-29.
36. *Hoover K., and Perez S.* Truth and Robustness in Cross-Country Growth Regressions // Oxford Bulletin of Economics and Statistics. 2004. Vol. 66. No. 5. P. 765-798.
37. *Hutchinson M.* How Washington Blew it by Not Banning Credit Default Swaps // Money Morning. 28.06.2011.
38. International Energy Agency. By Topic> Energy Security. (<http://www.iea.org>).
39. International Strategy for Cyberspace. Prosperity, Security, and Openness in a Networked World. May 2011. i + 25 p. (http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/international_strategy_for_cyberspace.pdf).
40. Joint Study on the Feasibility of Mandating Algorithmic Descriptions for Derivatives. A Study by the Staff of the Securities and Exchange Commission and the Commodity Futures Trading Commission as Required by Section 719 (b) of the

Dodd-Frank Wall Street Reform and Consumer Protection Act. 7.04.2011. iv + 26 p. (<http://www.sec.gov>).

41. *Klein N.* The Shock Doctrine: The Rise of Disaster Capitalism. New York, Metropolitan Books, 2007. xiii + 664 p.

42. *Monaghan A.* Greenspan Joins Hedge Fund Paulson // The Telegraph. 11.07.2011.

43. National Infrastructure Protection Plan 2009. vii + 175 p. (<http://www.dhs.gov/nipp>).

44. National Security Strategy. May 2010. Washington, 2010. v + 52 p.

45. Statement for the Record on the Worldwide Threat Assessment of the U.S. Intelligence Community for the Senate Select Committee on Intelligence. James R. Clapper, Director of National Intelligence. 16.02.2011. 33 p. (<http://www.odni.gov>).

46. Statement for the Record. The Honorable Janet Napolitano, Secretary, United States Department of Homeland Security, Before the United States Senate Committee on Homeland Security and Governmental Affairs. 17.02.2011. 11 p. (<http://www.congress.gov>).

47. Statement of Senator Susan M. Collins. The Homeland Security Department's Budget Submission for Fiscal Year 2012. Committee on Homeland Security and Governmental Affairs, 17.02.2011. 3 p. (<http://www.congress.gov>).

48. *Solow R.* A Contribution to the Theory of Economic Growth // Quarterly Journal of Economics. 1956. Vol. 70. P. 65-94.

49. *Swan T.* Economic Growth and Capital Accumulation // Economic Record. 1956. Vol. 32. P. 334-361.

50. Testimony of Alan Greenspan. Financial Crisis Inquiry Commission. 7.04.2010. 24 p. (<http://www.fcic.gov>).

51. Testimony of Secretary Janet Napolitano, U.S. Department of Homeland Security, before the United States Senate Committee on Homeland Security and Governmental Affairs. 4.05.2011. 16 p. (<http://www.congress.gov>).

52. The National Strategy to Secure Cyberspace. February 2003. Washington, 2003. xiv + 60 p. (http://www.us-cert.gov/reading_room/cyberspace_strategy.pdf).

53. U.S. Border Patrol. Total Illegal Alien Apprehensions by Fiscal Year. Tables 1-3 (<http://www.cbp.gov/apps.pdf>).

54. U.S. Food and Drug Administration. Overview. 22 p. (<http://www.fda.gov/downloads/Training/.../UCM218900.pdf>).

55. U.S. Food and Drug Administration. Public Hearing: Considerations Regarding Food and Drug Administration Review and Regulation of Articles for the Treatment of Rare Diseases; Public Hearing. Federal Docket Number: FDA-2010-N-0218. 90 p. (<http://www.fda.gov/downloads/ScienceResearch/SpecialTopics/.../UCM243857.pdf>).

56. World Energy Outlook 2010. Executive Summary. 14 p. (<http://www.iea.org>).

57. WTO. World Trade Report 2003. Trade and Development. Geneva, 2003. XXI + 242 p. (<http://www.wto.org>).